

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ИМЕНИ Е.М. ПРИМАКОВА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Запад – Восток – Россия 2015

ЕЖЕГОДНИК

**Москва
ИМЭМО РАН
2016**

УДК 339
ББК 65.5
Зап 30

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова»

Рецензенты:
доктор экономических наук, профессор В.А. Мельянец
доктор философских наук В.И. Пантин

Ответственные редакторы – д. полит.н. Д.Б. Малышева, д.и.н. В.Г. Хорос.

Редколлегия – д.и.н. А.Г. Володин, к.э.н. А.А. Рогожин,
д.полит.н. Д.Б. Малышева, д.и.н. В.Г. Хорос

Зап 30

Запад – Восток – Россия 2015. Ежегодник / Отв. ред. – Д.Б. Малышева,
В.Г. Хорос. – М.: ИМЭМО РАН, 2016. 205 с.

ISBN 978-5-9535-0459-1

Как и прежде, в этом выпуске ежегодника «Запад – Восток – Россия» освещаются наиболее значимые события, процессы и тенденции последнего года во взаимоотношениях развитого Центра и мировой Периферии или Полупериферии и, что принципиально важно, с учетом интересов и места России в этом взаимодействии. Главные темы панорамы 2015 года – международный терроризм в конфликтах на Ближнем Востоке, энергетический кризис, миграционные волны в Европе, проблемы БРИКС. Эти и другие темы рассматриваются как в глобальном, так и в региональном измерении (Восточная Азия, Латинская Америка, СНГ и другие). Как всегда, есть разделы по экологии, научной жизни и новым книгам по тематике ежегодника.

West – East – Russia 2015. Yearbook / V.G. Khoros, D.B. Malysheva, eds. – Moscow, IMEMO, 2016. 205p.

ISBN 978-5-9535-0459-1

As before, the issue of the “West – East – Russia” Yearbook covers major events, processes and trends of the past year related to interactions between the developed Center and World Periphery or Semi-Periphery. Russia’s interests and positions in this context is important theme for us. The main topics of the panorama 2015 are the international terrorism in the Middle East conflicts, oil crisis, the waves of migrants in Europe, problems of BRICS. These and other aspects are examined not only in global dimension, but also in separate regions (including East Asia, Latin America, CIS etc.). As usual, there is some information on ecological matters, academic activities and recently published books.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0459-1

© ИМЭМО РАН, 2016
© Д.Б. Малышева, В.Г. Хорос, 2016

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Е.А. Канаев, А.С. Королев

ПРОБЛЕМЫ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В 2015 году Южно-Китайское море оставалось одной из горячих тем репортажей региональных и мировых информационных агентств. Повод для новостей давали, в основном, действия Китая и США. Эволюция китайско-американских отношений по проблеме Южно-Китайского моря с одной стороны, обнаруживает элементы конфронтации, а с другой, – может ускорить выход из нынешнего кризиса миросистемного регулирования, стимулировав оформление консолидированной Евразии в качестве самостоятельного глобального полюса.

Отличительной чертой политики Китая в Южно-Китайском море стало обустройство искусственных островов в районе архипелага Спратли. Пекин активизировал мелиоративные работы на рифе Мисчиф, а также завершил в июле 2015 г. строительство трехкилометрового аэродрома на рифе Файери Кросс¹⁷⁶. Помимо этого, Китай завершил возведение дамб, вертолетных площадок и других объектов военной инфраструктуры на рифе Квартерон. В июле 2015 г. МИД КНР заявил о завершении Китаем проекта по созданию искусственных островов в Южно-Китайском море¹⁷⁷.

В комментариях китайских политических деятелей о цели таких мероприятий рефреном звучала мысль о намерении использовать острова в исключительно мирных целях. Согласно официальной позиции Пекина, строительные работы предназначены для улучшения жилищных условий персонала, дислоцированного на атоллах, и необходимы для проведения поисково-спасательных работ и морских научных исследований, а также оказания помощи при стихийных бедствиях¹⁷⁸. Соседи КНР встретили такие действия и заявления предсказуемо негативно. Кульминацией критики Китая стала аналогия его действий с политикой Третьего Рейха, проведенная Президентом Филиппин Б.Акино III во время визита в Токио¹⁷⁹. Реакция Китая, указавшего на недопустимость подобных провокаций, последовала незамедлительно¹⁸⁰.

Острота китайско-филиппинской полемики едва ли способна вызвать удивление – стороны вовлечены в судебное разбирательство по проблеме Южно-

¹⁷⁶ (2015) Images Show Chinese Airstrip on Man-Made Spratly Island Nearly Finished. Reuters. 2 July. // http://www.reuters.com/article/us-southchinasea-china-airstrip-idUSKCN0PC00Q20150702?feedType=RSS&feedName=topNews&utm_source=twitter

¹⁷⁷ (2015) МИД КНР: «Китай завершил строительство искусственных островов в Южно-Китайском море». CNTV. 01.07. // <http://www.cntv.ru/2015/07/01/VIDE1435727642581395.shtml>

¹⁷⁸ (2015) China Says South China Sea Construction Is Protecting Distant Reefs. Bloomberg Business. 23 November. // <http://www.bloomberg.com/news/articles/2015-11-22/china-says-far-away-south-china-sea-reefs-need-its-protection>

¹⁷⁹ (2015) China Behaving Like Nazi Germany in South China Sea, Says Benigno Aquino. The Guardian. 3 June. // <http://www.theguardian.com/world/2015/jun/03/china-nazi-germany-south-china-sea-philippine-president-benigno-aquino>

¹⁸⁰ (2015) China «Shocked» at President Aquino's Nazi Comparison. Kicker Daily News. 4 June. // <http://kickerdaily.com/china-shocked-at-president-aquinos-nazi-comparison/>

Китайского моря. В июле 2015 г. Манила подала иск в Международный трибунал ООН по морскому праву, требуя признать нелегитимными значительную часть территориальных притязаний Пекина. Согласно позиции Манилы, действия КНР нарушают права Филиппин в их экономической зоне. Китай ответил, что не признает правомерность обсуждения данной проблемы на площадках ООН.

Можно выделить несколько целей китайской политики. Первая и основная из них очевидна – укрепить свое военное присутствие в районе архипелага Спратли. Новые острова позволяют Китаю создать полноценную военную инфраструктуру, включая аэродромы, пирсы, гавани, радары и системы спутниковой связи¹⁸¹. Есть основания полагать, что модернизация боевых самолетов вкупе с расширенными возможностями видеонаблюдения приведут к созданию Китаем зоны противовоздушной обороны (*Air Defence Identification Zone – ADIZ*) над Южно-Китайским морем, аналогичной уже функционирующей зоной над Восточно-Китайским морем. Создаваемая инфраструктура даст Китаю возможность концентрировать мощь на южном и юго-восточном направлениях, обеспечивая Народно-освободительную армию Китая логистической поддержкой. Тем самым Китай расширит возможности защиты своего нефтеимпорта, проходящего через судоходные пути Южно-Китайского моря, и одновременно снизит влияние США в водах Северо-Восточной Азии.

Вторая причина имеет международно-правовое измерение. Пекин отдает себе отчет в том, что работы по сооружению искусственных насыпей на островах не ведут автоматически к установлению над ними китайского суверенитета. Действия Пекина нацелены на иное – лишить убедительности позицию Манилы, согласно которой Китай незаконно оккупировал скалы, в том числе подводные, на которые Филиппины выдвигают претензии. Созданные Китаем искусственные насыпи на островах не дают оснований утверждать, что это именно те острова, рифы и скалы, и они находятся именно в том состоянии, как это представлено в документах, поданных Филиппинами в международные судебные инстанции.

Третья причина связана со стремлением Китая укрепить свои позиции в диалоге с АСЕАН. Расширяя площадь контролируемых островов, Китай делает ставку на демонстрационный эффект своей военной мощи, тем самым подталкивая оппонентов из стран ЮВА к признанию прокитайских условий урегулирования проблемы. А именно – благоприятных условий реализации ключевых инициатив экономического сотрудничества, в которых заинтересован Китай, – Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) и Морского Шелкового пути XXI века.

Активизация политики КНР в Южно-Китайском море вызвала предсказуемое противодействие США. Выделим ключевые факторы обеспокоенности Вашингтона.

Прежде всего, проводимые Китаем мероприятия противоречат позиции США по вопросу о свободе судоходства в Южно-Китайском море. Согласно этой позиции, свобода судоходства имеет отчетливое военное измерение: боевые корабли США и их союзников должны иметь доступ в любую точку мирового океана, в том числе акватории Южно-Китайского моря. Соответственно, усиливая свое присутствие в Южно-Китайском море, Пекин осложняет условия военно-морской деятельности Вашингтона.

¹⁸¹ (2015) Кашин В. «Почему опять кипит Южно-Китайское море». Московский центр Карнеги. 29.10. // <http://carnegie.ru/publications/?fa=61801>

Во-вторых, действия Китая потенциально могут затруднить возможность американского вмешательства в случае гипотетического кризиса в Тайваньском проливе, а также на Корейском полуострове. Как следствие, сомнения региональных союзников и партнеров в Вашингтона в его способности и впредь выполнять роль гаранта международной стабильности в АТР грозят еще больше окрепнуть.

Этот сценарий представляется Вашингтону тем более вероятным с учетом следующего обстоятельства. Одно из негласных «правил игры» в регионе, сложившихся после окончания «холодной войны» и поддерживаемых системой американских альянсов, состоит в отказе от применения силы в решении территориальных проблем. Действия Китая, за которыми явно просматриваются демонстрация своих силовых возможностей и стремление давить на оппонентов, бросает вызов функционирующей в АТР системе поддержания международной стабильности, в основе которой остается американоцентричная система коллективной безопасности.

В-третьих, политика Пекина создает опасный прецедент для интересов Вашингтона в других частях мира. Например, сужение «окна возможностей» американских ВМС на многих участках Персидского залива и Средиземного моря, где происходит наложение территориальных притязаний различных стран, может негативно отразиться на эффективности сбора информации военного характера в экономических зонах стран этих регионов, а также, при необходимости, высадке десанта на сушу. В свою очередь, это потребует кардинального изменения содержания глобальной военно-морской военной стратегии США.

Пытаясь не допустить каждый из таких сценариев, США активизировали программу FONOP (*Freedom of Navigation Operations – FONOP*), суть которой заключалась в осуществлении демонстрационных проходов американских боевых кораблей через Южно-Китайское море. Заявив, что в акватории Южно-Китайского моря «США будут совершать воздушные и морские облеты любых территорий, если это не идет вразрез с нормами международного права, как это происходит в других регионах мира»¹⁸², Вашингтон подкрепил это практическими действиями. Наиболее резонансным мероприятием стал проход американского эсминец Лассен через воды, прилегающие к контролируемому Китаем острову Суби архипелага Спратли, совершенный в конце октября – начале ноября. В ответ на протест Пекина Вашингтон заявил, что США будут осуществлять обходы 12-мильной зоны островов Спратли два раза в квартал¹⁸³.

Суммируя последствия такого развития событий, выделим наиболее важные. Прежде всего, США понесли репутационный ущерб. Мероприятия по линии FONOP имели явно антикитайский подтекст, в то время как Китай – далеко не единственный претендент на острова Южно-Китайского моря. Тем самым стремление Вашингтона расколоть регион, консолидировав его на антикитайской основе, проявилось со всей отчетливостью. Антикитайская составляющая комментария Б.Обамы о цели Транстихоокеанского партнерства это впечатление лишь усилила¹⁸⁴. Для стран региона это означает лишь одно – «век Азии» может не состояться, и кто этому

¹⁸² (2015) US Defense Secretary Gives Keynote Address at Shangri-La Dialogue. Voice of America. 30 May. // <http://www.voanews.com/content/us-defense-secretary-gives-keynote-address-at-shangrila-dialogue/2800510.html>

¹⁸³ (2015) США намерены патрулировать 12-мильную зону Спратли два раза в квартал. РИА Новости. 03.11. // <http://ria.ru/world/20151103/1312767142.html>

¹⁸⁴ (2015) Statement by the President on the Trans-Pacific Partnership. The White House. 5 October. // <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership>

воспрепятствует, вполне очевидно. Во-вторых, в адрес Вашингтона в регионе стала раздаваться критика, что в реальности он опасается Пекина.

В-третьих, отказ участников СМО АСЕАН+8 принимать итоговую декларацию третьего заседания был во многом обусловлен тем обстоятельством, что США настаивали на включении в текст декларации положения о Южно-Китайском море. Это была сознательная попытка дистанцирования от чувствительных тем, одной из которых является проблема Южно-Китайского моря. Настаивая на упоминании этой проблемы в тексте итогового документа, США подрывали не только де-факто существующий «modus operandi», но и позиции АСЕАН как координатора многостороннего диалога по вопросам азиатско-тихоокеанской безопасности.

Подтвержденная сторонами приверженность положениям Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 года также не способствует укреплению авторитета АСЕАН, т.к. она противоречит 4 статье Декларации¹⁸⁵. С точки зрения КНР, подключение к урегулированию конфликта США, не имеющих территориальных притязаний в Южно-Китайском море, нелегитимно. Отсюда – основания для новой порции критики в адрес Ассоциации, вплоть до ведения «нечестной игры» в отношении проблемы Южно-Китайского моря.

Таким образом, в прошедшем году действия Китая и США в отношении проблемы Южно-Китайском море лишь еще больше ее «раскачали». Дополнительным фактором нарастания конфронтации стала публикация Китаем и США концептуальных документов, определяющих их политику на морских рубежах. И если основная мысль, проводимая в американской Стратегии развития морской мощи на основе сотрудничества в 21 веке¹⁸⁶, не нова – укрепление глобального лидерства США в военно-морской сфере – то степень глобализации военно-морских интересов Китая в его новой Военной стратегии¹⁸⁷ представляет яркий контраст с предыдущим, преимущественно оборонительным, концептуальным видением Пекином функций своего военно-морского флота. Учитывая усиление влияния проблемы Южно-Китайского моря на международную торговлю и мировое развитие в целом, дальнейшее нарастание там китайско-американского соперничества представляется почти свершившимся фактом.

Суммируя основные сценарные варианты, выделим три основных. Во-первых, замена Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море 2002 года на Кодекс поведения стала еще более проблематичной. Хотя бы потому, что с точки зрения Китая призывы США ускорить выработку Кодекса поведения нелегитимны, а стремление Вашингтона сплотить регион на антикитайской основе проявилось со всей очевидностью. Хотя ни одна страна АСЕАН не присоединилась к FONOP, некоторые из них прямо или косвенно поддержали действия авиаразведки США P-8 «Посейдон» в Южно-Китайском море¹⁸⁸.

¹⁸⁵ Согласно 4 статье Декларации поведения сторон в Южно-Китайском море, противоречия должны решаться между «суверенными сторонами, непосредственно вовлеченными в конфликт». См.: 2002 Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. // <http://cil.nus.edu.sg/rp/pdf/2002%20Declaration%20on%20the%20Conduct%20of%20Parties%20in%20the%20South%20China%20Sea-pdf.pdf>

¹⁸⁶ (2015) A Cooperative Strategy for 21st Century Seapower. March. //

<http://www.navy.mil/local/maritime/150227-CS21R-Final.pdf>

¹⁸⁷ (2015) Full Text: China's Military Strategy. 28 May. // http://eng.mod.gov.cn/Press/2015-05/26/content_4586805.htm

¹⁸⁸ См. например: (2015) BBC News. US P-8 Spy Plane Deployed to Singapore. 8 December. // <http://www.bbc.com/news/world-asia-35036220>

Во-вторых, международная обстановка в АТР становится менее управляемой. Просматривается реальная перспектива дальнейшей эскалации гонки вооружений. Так, вполне возможно размещение Китаем военной техники на тех островах Спратли, где идет создание искусственных насыпей.

В-третьих, есть основания ожидать активизации политики Китая по реализации проекта «Один пояс, один путь». Акцент будет сделан на развитие Экономического пояса Шелкового пути как ответ на усиление нестабильности на морских судоходных маршрутах.

Сказанное выше имеет все шансы укрепить запрос на Россию в приоритетах ее азиатско-тихоокеанских партнеров. Нарастание остроты китайско-американской полемики по вопросу о свободе судоходства актуализирует для региона необходимость разрабатывать альтернативные транспортные маршруты, в том числе – Транссибирскую магистраль и Северный морской путь. Подрыв центральной роли АСЕАН в форматах азиатско-тихоокеанского многостороннего сотрудничества укрепляют ее интерес в партнерах, эту роль поддерживающих, – а Россия является одним из них. Наконец, развитие проекта «Один пояс, один путь», представляющий собой часть формирования Большой консолидированной Евразии, имеет отчетливое российское измерение. Наряду с нацеленностью Москвы и Пекина на сопряжение ЭПШП и Евразийского экономического союза, возрастет важность укрепления взаимосвязей между АСЕАН, расширяющейся ШОС и ЕАЭС, к чему призвал Президент РФ, и что уже вызвало позитивный отклик азиатско-тихоокеанских партнеров России.